

Корандей Ф. С. Рец. на: Koelsch W. A. Geography and the Classical World. Unearthing Historical Geography's Forgotten Past. London, New York: I.B. Tauris, 2013 (Tauris Historical Geography Series). 352 p. Опул.: Историческая география. Т. 3 / Под ред. И.Г. Коноваловой. Москва, 2016.

В 2013 г. Уильям Кёлш, эмерит университета Кларк в Бостоне, опубликовал большую книгу, посвященную «древней географии» (Ancient Geography), феномену культуры Нового времени, на который сравнительно недавно обратили внимание историки исторической географии.

Кажется, впервые это явление было описано другим заслуженным профессором, йельским античником и медиевистом Уолтером Гоффартом (Walter Goffart), который в 2003 г. издал книгу «Первые триста лет исторических атласов»¹. Одним из ее сюжетов было исследование восходящего к началу XV в. деления гуманистической картографии на «древнюю» и «новую». По мысли Гоффарта, после того, как в 1406-1407 гг. вывезенный из Константинополя в Италию текст «Географии» Клавдия Птолемея, сопровождавшийся картами, был переведен на латынь, в ренессансной географии стала проблемой ситуация сосуществования двух систем знания о Земле – древней (*geographia vetus*), основанной на текстах классических авторов, и новой (*geographia nova*), порожденной плаваниями эпохи Великих географических открытий. Статус двух этих систем знания был разным. Как известно, например, из эссе Монтеня «О каннибалах», классическая географическая традиция, обладавшая высочайшим авторитетом, влияла на мировоззрение его современников сильнее, чем рассказы путешественников и очевидцев, еще не обладавшие особым ученым статусом. Так, пишет Гоффарт, присущее птолемеевской картографической традиции неправильное изображение побережья Каспийского моря доминировало в европейской картографии до экспедиций, осуществленных при Петре I.² Степень влияния «новой» географии быстро росла. Страсбургское переиздание птолемеевского атласа (1513) включало в себя двадцать «новых карт» (*tabulae novae*), удваивавших его объем, но уже к 1570-м гг. ситуация стала обратной. Авраам Ортелий, автор атласа «*Theatrum Orbis Terrarum*» (1570), полностью состоявшего из карт по «новой географии», уступая просьбам своих коллег-гуманистов, добавил к нему двадцать шесть карт «древней географии» (*Parergon Orbis Terrarum, sive veteris geographiae tabulae*, 1579).³ По этой причине Ортелия принято считать

¹ Goffart 2003.

² Goffart 2003: 14

³ Goffart 2003: 15. См.: «Вслед за Птолемеем, древние авторы (*antiqui*) продолжали считаться ценным источником информации даже после того, как великие открытия показали, что в мире существует много такого, чего не было им известно... Практикующие географы опирались на информацию из этих источников, чтобы дополнить современные наблюдения, чье недавнее происхождение отнюдь не добавляло им веры. «Древняя география» продолжала изучаться с великим пиететом до XVIII века; она рассматривалась в качестве более высокой по статусу науки.... При этом «древняя

отцом исторического атласа, отмечает Гоффарт, однако же, при всей правоте этих слов, нужно помнить, что сам он в данном случае использовал словосочетание «*geographia vetus*», и, хотя его карты полезны для изучающих историю, они мыслились точно такой же отраслью географии, как «новые» карты из основной части его атласа.⁴

С этой особенностью гуманистической «древней географии», возможно, связан и ее парадоксальный «антиисторизм»: карты атласов делились на два разряда – в одном из которых все карты были просто «древними», как правило, воспроизводившими карты из Птолемея, в другом – просто «новыми», без уточнения хронологии. Карты атласа Ортелия, посвященные конкретным историческим событиям, например, восточному путешествию Александра Македонского, делались таковыми при помощи одних только надписей на соответствующем листе, восходящем к Птолемею (итинерарий, места битв и т.п. привычные нам элементы современной исторической карты отсутствовали)⁵. Хронология событий не интересовала авторов «древних» карт, атласы «древней географии» были построены по территориальному признаку, часто давались в сопоставлении с «новыми картами» территории – на одном листе располагалась «Древняя», а на другом – «Новая Галлия». Кроме того, до поры до времени, тематика этих «анахронистических» карт ограничивалась только классической и библейской древностью, которая позволяла картографам «несколько отдохнуть от Птолемея».⁶

Эпоха «древней географии» в ее картографическом виде закончилась в первой половине XVIII в. Гоффарт связывает это с французскими и немецкими атласами первых десятилетий XVIII в.⁷, К. Хоффман показала, что во Франции «анахронистическая» традиция картографии уходит на задний план на протяжении одного десятилетия XVIII в. (1760-1770 гг.), уступая место новой манере *révolutions séculaires*, (изображения динамики политических и административных границ), преимущественно на материале средневековой и новой истории Европы⁸. Труд У. Гоффарта, касавшийся только картографической стороны проблемы, оставлял открытыми многие вопросы – «древняя география», безусловно, не была исключительно картографическим феноменом. То же самое разделение на «древнюю» и

география» не рассматривалась в качестве вспомогательной для истории; это была важнейшая составляющая географической науки как таковой» (здесь и далее сокращенный перевод везде мой – Ф.К.)

⁴ Goffart 2003: 30. См.: ««Древняя география» была особенной отраслью учености (*authentic scholarly pursuit*), а не старомодным или эвфемистическим способом сказать «исторический». Это была наука о мире с точки зрения классических авторов, таких как Страбон, Плиний, Птолемей и Солин... Будучи прологом или приложением, «древние» атласы не были принципиально другим типом карт, нежели основной атлас; и то и другое было географией, но одна была современная, другая древняя»

⁵ Goffart 2003: 24.

⁶ Goffart 2003: 35

⁷ Goffart 2003: 135-139.

⁸ Hoffmann 2000

«новую» географические традиции было свойственно и для широкого круга текстов, лежавших в жанровом пространстве между географией и историографией.

Именно в этом отношении представляется интересной новая книга У. Кёлша. Кёлш с самого начала расширяет содержание понятия «древней географии», указывая на то, что два термина – «ancient geography» и «classical geography» – с середины XVIII до конца XIX вв. использовались как синонимы (xxi), обозначавшие весьма популярную область штудий. Между тем, как явствует из предисловия к работе, сильный интерес, который «долгий девятнадцатый век», породивший географию в ее современном виде, испытывал к «древней географии», практически никогда не привлекал внимания историков науки.

Во введении к работе Кёлш вспоминает историю поисков истоков Дуная. Фактически эта задача допускает множество решений. Такова же, по мнению автора, и история современной географии, которая берет начало из множества истоков, течение некоторых из которых проследить довольно сложно. Одним из таких истоков современной географии была «древняя география» в широком смысле – ученые штудии классической географии, составлявшие неотъемлемую часть университетской науки Нового Времени. По мысли Кёлша, «древняя география» влияла на складывание современной посредством нескольких традиций – в первую очередь, имеется в виду уже известная нам картографическая «древняя география», эволюционировавшая затем в учебный исторический атлас (4-5); затем птолемеевская география как наука о размещении объектов; страбоновская география как world cultural geography (что бы это ни значило); павсаниевская периэгетическая традиция ученого путешествия (6-7).

Основное содержание десяти глав книги – институциональная, биографическая и книжная история «classical geography» в Великобритании и США в период «долгого девятнадцатого века». В общих чертах суть процесса ясна с самого начала – восходящая к гуманистической учености «древняя география», в университетской практике XIX в. представлявшая собой специальное приложение к курсам по истории и филологии, в конце периода уступает место новой географии, превращающейся в самостоятельную дисциплину с позитивистскими методами. Читатель приступает к чтению, ожидая, что эта картина будет уточнена и расширена.

Кёлш начинает отсчет истории классической географии с деятельности «Общества дилетантов» XVIII века (1 глава), отмечая, что экспедиции и штудии *dilettanti* не были наукой в современном смысле слова, но представляли собой конгломерат протонаучных исследовательских практик, включавший в себя элементы еще не выделившихся в отдельные науки классических археологии, архитектуры, искусствоведения и географии. Вслед за самими дилетантами автор предпочитает именовать эту деятельность «археографией» (*archaeography*), понимая под ней синтетический подход исследования древностей (*antiquities*) в их природном и социальном контексте, предполагающий фиксацию наблюдений в виде

путевых дневников, карт, планов и чертежей. Эта синкретическая практика породила современные исследования классической древности, как Гондвана – современные континенты (14-15). Часть экспедиций, осуществленных «Обществом дилетантов», внесла важный вклад в развитие классической географии. Таковы, например, исследования Трояды, осуществленные Робертом Вудом в 1750-х гг. (Robert Wood, «Essay on the Original Genius and Writings of Homer», 1769, 1775). Кёлш отмечает, что в этих экспедициях формировались базовые модели эмпирического исследования территории, включавшие в себя записи, измерения и картографирование (30-31). Топографический метод дилетантов, который отличался вниманием к пространственному контексту древностей и предполагал попытки реконструкций географических условий прошлого (Вуд, например, открыл тот факт, что равнина Трои весьма изменилась со времен Гомера по причине речных намывов), ушел на второй план в XIX в. с развитием классической археологии, с ее интересом к раскопкам и собиранию коллекций. Вместе с тем, нельзя недооценивать роль этих ранних работ в истории исторической географии, отмечает автор (46-47).

Вторая и третья главы открывают американскую часть книги, посвященную в основном месту классической географии в американском образовании. История внедрения в программы американских колледжей европейской модели «древней географии» была непростой и не всегда успешной. У этой модели было достаточно конкурентов. В колониальный период (глава 2) география, преподававшаяся в американских колледжах, чаще всего была частью курсов по натуральной философии (natural philosophy) и включала в себя элементы математики, астрономии и картографии (51). Концепция «древней географии», которая должна была преподаваться классиками в составе курсов по классической истории и филологии, появилась на американском континенте в революционный период, вместе с классическими интересами отцов-основателей, искавших в древности модели для развития республиканского государства (50). Однако, несмотря на значительные усилия Бенджамина Франклина и его соратников, к концу XVIII в., эта концепция отнюдь не одержала безоговорочной победы в американском образовании, и в большинстве мест преподавалась по традиционным образцам (67-68, 73). Примером удачного внедрения гуманитарной «древней географии» в программу колледжа был Виргинский университет, где эта концепция появляется усилиями Томаса Джефферсона, и укореняется к 1824 г. (3 глава, 85-90).

Английские авторы, которым посвящены четвертая и пятая главы книги, символизируют собой первую ступень перехода от программы «древней географии» к институционализации географии как независимой дисциплины. Джеймс Реннел (James Rennell, 1742-1830) и Генри Фэншоу Тоузер (Henry Fanshawe Tozer, 1829-1916), при всей разнице их биографий (Реннел был сотрудником Ост-Индской компании в Бенгалии, а Тоузер – оксфордским тьютором) имели много общего в своих подходах к классической географии (4 глава). Для обоих этих авторов был характерен

интерес к сравнительной географии. При таком подходе наблюдения за современной географической средой (в частности, полевые, Тоузер провел много времени в путешествиях по Малой Азии и Греции) использовались для описания и реконструкции географических условий древности, составления сравнительных карт, сопоставлявших географию одного и того же района в древности и в наши дни. То, насколько высок был в культуре XIX века статус античной древности, подтверждает пример английского премьер-министра Уильяма Гладстона, который на протяжении всей жизни посвящал свой досуг исследованиям в области классической географии (5 глава). На склоне лет, в 1886 г. Гладстон признавался, что за свою жизнь прочел «Одиссею» 25, а «Илиаду» 30 или 35 раз. (142). Между 1847 и 1892 гг. он издал пять книг, посвященных Гомеру (143). В них, в частности, вводилось представление о двух типах географического знания, присущих для автора этих эпических поэм – реальном, опиравшемся на непосредственные знания земной поверхности, и воображаемом, отражавшем широко разделяемые в его эпоху представления об устройстве мира (147), что открывало возможности для построения ментальных карт гомеровского мира (149). Штудии Гладстона отмечают собой финальный момент той эпохи, когда исследования классической древности (и классической географии в частности) еще были предметом универсального интереса всего образованного сословия, а не только специалистов (161-162).

Шестая и восьмая главы продолжают и завершают английскую тему. Свою роль в утверждении географии как независимой дисциплины сыграли труды целого ряда историков и филологов-классиков, которые начались примерно за полвека до того момента, как Хэлфорд Маккиндер (1861-1947) начал читать в Оксфорде курс по географии (1887). В шестой главе книги рассматриваются биографии и сочинения Томаса Арнольда (Thomas Arnold, 1795-1842), Артура Стэнли (Arthur Penrhyn Stanley, 1815-1881), Эдварда Фримана (Edward Augustus Freeman, 1823-1892), ставших первыми оксфордскими преподавателями и исследователями Modern History. Такое наименование предполагало, что они будут заниматься темами, не связанными с античной историей, но в действительности каждый из этих авторов уделял античности весьма много времени (164-172). Инерцию «древней географии» было довольно трудно преодолеть. В восьмой главе показано, с какими трудностями сталкивался Маккиндер, основавший в Оксфорде школу географии (1899). Лекции по физической географии практически не посещались оксфордскими студентами-гуманитариями, видевшими в географии лишь инструмент для исследований в области истории и классической филологии (242). Кёлш отмечает, что классическая география в Оксфорде практически пришла в упадок к 1915 г., не указывая для этого никаких причин, кроме биографий конкретных ученых (266).

В седьмой и десятой главах тот же самый процесс показан на примере американских колледжей. В седьмой главе рассматриваются попытки внедрить «древнюю географию» в программы Гарварда, относящиеся к середине XIX века, и в целом завершившиеся неудачей к 1880 г. (239).

Программы «новых» американских университетов, основанных между 1865 и 1892 г. (Беркли, Джонс Хопкинс, Кларк, Чикаго, Корнелл, Стэнфорд) исходили уже из других принципов, не были ориентированы на знание классиков, полагали географию самостоятельной дисциплиной с собственным предметом, а не приложением к курсу античной литературы. Приводимые Кёлшем апологетические цитаты из американских географов начала XX века, отдававших должное знанию классиков, только подтверждают основную мысль главы – классическая география в духе гуманистов, дилетантов и викторианских эллинистов была для этих исследователей уже весьма периферийным и специализированным знанием.

Откровенно говоря, в этих последних главах историографический метод Кёлша обнаруживает серьезные проблемы. Описание последнего периода истории классической географии везде подменяется описанием упадка классического образования как такового. Обещавшая быть весьма интересной девятая глава, посвященная классической географии в школе XIX века, сводится к описанию проблем, ассоциирующихся с кризисом классического образования. Так, на примере школ Шотландии и Англии последовательно обсуждаются известные риторические доводы противников классического образования – трудность изучения древних языков, «непрактичность» самой модели, не делающей из учеников узких специалистов, даже телесные наказания (273-280). О проблемах классической географии в этом контексте практически не говорится. Анализ американского школьного опыта, демонстрирующий множество форм классической географии, более последователен, но здесь автор садится на своего другого любимого конька, превращая работу в последовательность библиографических справок...

Многообещающая на первый взгляд книга в действительности не представляет собой целостной истории классической географии. В отличие от трудов Р. Батлина и А. Бейкера⁹, в которых раннему этапу развития исторической географии было уделено не так много места, как хотелось бы, книга практически не встроена в метанарратив, описывающий развитие «больших» истории и географии в ту эпоху, когда они превращались в науки современного типа. Этим достоинством, например, отличается, в целом не менее склонная к эссеистичности, книга Дэвида Ливингстона.¹⁰ Особенно сильно этот недостаток ощущается при чтении глав, посвященных университетской истории классической географии – исполненные эрудиции и подробностей описания того, как складывались традиции преподавания предмета в Гарварде, Оксфорде и «новых» американских университетах, при отсутствии обобщающей концептуальной рамки разваливаются на последовательность многочисленных событий, связь между которыми очень трудно уловить. В этих главах, как и в остальной книге, описываются обильные институциональные последствия каких-то важных процессов,

⁹ Butlin 1993; Baker 2003

¹⁰ Livingstone 1992

остающихся за кадром, обозначаются результаты конфликтов, причины которых не ясны, упоминаются многочисленные имена, приходящие из ниоткуда и вновь исчезающие в никуда, приводятся выводы исследований, интеллектуальный контекст которых не обозначен. Вообще, акцент на книжной истории для этой работы очень важен. Том напоминает скорее библиографический справочник¹¹, насыщенный обстоятельными примерами исследовательских и повествовательных методов каждого автора, чем очерк эволюции научного направления, связанный общими идеями и единым сюжетом. Автор эссеистичен, ограничен частностями, и сам сравнивает себя с шекспировским Автоликом, «прикарманивающим мелкую дребедень» (360, «a snapper-up of unconsidered trifles»). Но читатель не должен быть разочарован. Эти сюжеты, порой увлекающие его с магистральной линии повествования далеко в страну биографии и библиографии, в сущности, конгениальны предмету, течения и обличья которого, как истоки Дуная, очень трудно сосчитать.

Ф.С. Корандей

БИБЛИОГРАФИЯ

Baker 2003 – *Baker A. H. R. Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Butlin 1993 – *Butlin R. A. Historical Geography: Through the Gates of Space and Time*. London: Edward Arnold, 1993.

Goffart 2003 – *Goffart W. Historical Atlases: The First Three Hundred Years, 1570-1870*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Hoffmann 2000 – *Hofmann C. La genèse de l'atlas historique en France (1630-1800): pouvoirs et limites de la carte comme "œil de l'histoire" // Bibliothèque de l'école des chartes*. 2000. Vol. 158 (1). P. 97-128.

Livingstone 1992 – *Livingstone D. N. The Geographical Tradition: Episodes in the History of a Contested Enterprise*. London, New York: Blackwell, 1992.

¹¹ Из 453 страниц книги примечаниям и библиографии посвящены 74 страницы мелкого шрифта.